5. Жалкий вид.

Хотя и нет сомнений, что стоит глубокая ночь, но всё же, который час? Неизвестно.

Впрочем, прошло уже явно очень много времени.

Ортана, северный район, Садовая улица. Харухиро понятия не имел, почему эта улица зовётся Садовой. Возможно, когда-то давно здесь были клумбы или что-то в этом роде.

В переулках, по обе стороны от ведущей с рынка Садовой улицы рядами теснятся постоялые дворы и гостиницы. В начале улицы располагается сравнительно немного роскошных сьёмных квартир, но по мере удаления от рынка гостниц становится всё больше и больше, однако качество жилья быстро падает – приличные постоялые дворы сменяются сносными общежитиями, а те, в свою очередь – настоящими развалюхами.

Они стоят перед одним из таких общежитий, сравнительно сносным, располагающимся на отходящем от Садовой улицы переулке.

Харухиро, поначалу просто стоявший перед входом, присел, прислонившись спиной к стене.

Его спутник стоял, не меняя позы с тех пор, как они пришли сюда.

Оба молчали. Когда вообще они в последний раз разговаривали? Кажется, довольно давно. Харухиро уже забыл о чём. Ни Харухиро, ни его спутник не отличаются особой разговорчивостью. Скорее, они оба сдержанные, или, может, правильнее сказать замкнутые.

Наверное – думал Харухиро, сгорбившись и обхватив руками колено, – наверное, проблема в том, что у нас слишком похожие характеры. Ни сам Харухиро, ни его собеседник не сделают первого шага, не заговорят первыми. Но тогда разговор никогда не начнётся.

Неуютно. Вот бы собеседник что-то сказал, что угодно, а я уж постараюсь поддержать разговор. Но, наверное, спутника Харухиро посещают те же самые мысли. Иначе почему они продолжают молчать? Оба думают, что сказать, наверное.

Хорошо. Ладно. Я начну. Я сделаю это. Ведь сделаю, да?

– Эмм… ну… Шихору?

– …Э? Да?..

– Ты не устала?

– …Нет.

– А-а.

– М.

И всё.

Разговор выдохся, не успев завязаться.

Да что же это. Так же нельзя. Нужно прилагать хоть чуточку усилий.

Видимо, коммуникабельность всё же важна.

Почему вообще они вдвоём с Шихору? Нет, причины ясны. Им нужно встретиться с Мэри, чтобы уладить формальности с наследством. Ранта отговорился тем, что невероятно объелся и не может двинуться. Юме отказалась, непривычно безучастным голосом объявив, что не в силах встать с кровати. Так что Харухиро был вынужден отправиться вдвоём с Шихору - не испытывающей проблем со здоровьем и знающей адрес Мэри. Он и не смог бы пойти один – ведь Мэри снимает комнату в женском общежитии, так что в этом смысле Шихору его очень выручила. Но исключительно в этом и ни в каком другом.

Не то чтобы Харухиро испытывал какую-то неприязнь к Шихору – нет. Но оставаться с ней наедине ему непросто.

Дело, наверное, в несовместимости. Они с Шихору не подходят друг другу. Вот и всё. Иначе говоря, несовместимость характеров.

Шихору, наверное, тоже такого же мнения о Харухиро. Вряд ли она считает, что их несовместимость с Харухиро это что-то хорошее, но Шихору не из тех кто способен сделать первый шаг. Они вместе пришли к общежитию Мэри, не найдя её, отправились в таверну Шерри, а не обнаружив её и там, вернулись обратно к общежитию. И за всё время Шихору не вымолвила почти ни слова. Если Харухиро обращался к ней, она односложно отвечала. И всё. Какие уж тут разговоры.

– Ха-а…

Шихору невзначай обронила вздох.

Звучало не очень хорошо. Но, может, она так пытается начать разговор.

– Я… – тихо проговорила Шихору

Харухиро посмотрел на неё. Шихору, обхватив себя за плечи, едва заметно дрожала.

– Я… ну… Как бы это сказать… думаю, я очень плохой человек... я так равнодушна…

– Равнодушна?..

– Все… со всеми ведь не так. Всех это так задело…

– Ну… да?

– Но я… я отвратительна… Все… из-за того, что Могзо-кун погиб… Могзо-кун погиб, и все скорбят по нему, но я… я потрясена, но мне страшно за себя… я, должно быть, плохой человек…

– Это не…

Это не так? Сказать ей, что совершенно нормально – не горевать по Могзо? Что за глупости. Могзо был их другом. Делившим с ними и горе и радости товарищем, драгоценным, нет, бесценным спутником, опорой команды. Как можно не горевать из-за его гибели?..

Но Шихору, похоже, и сама в недоумении. Та разрывающая грудь боль, то ошеломляющее чувство потери, которое естественно испытывать сейчас – ничего такого она не ощущает. И не может простить себе этого неестественного состояния. …А, вот в чём дело.

Манато.

Это лишь предположение, но, наверное, всё дело в том, что случилось с Манато.

Шихору, наверное, любила его. Но Манато погиб. Для неё это наверняка было невыносимым ударом, и причинило ей боль большую, чем всем остальным. И сейчас, когда погиб Могзо, она ощущает несравнимо меньшее горе.

Люди привыкают к боли. Не прилагая к тому усилий, сами собой свыкаются с ней.

Это просто средство выживания.

Пока человек жив, он раз за разом будет чувствовать боль. Такие ситуации будут повторяться, снова и снова.

Но чтобы выжить, нужно уметь оправляться после удара, как бы тяжёл он не был.

И правда – действительно, Харухиро тоже не ощутил настолько сильного шока после того, как они потеряли Могзо. Разумеется, он вовсе не чувствовал себя сколько-нибудь прекрасно, но всё же находил в себе силы смотреть в будущее. Наверное, это верно и для остальных его друзей. Иначе Могзо не сможет покоиться с миром. И таким образом, получается, они способны почерпнуть силы даже в гибели своего товарища.

Харухиро попытается жить. Он намерен цепляться за жизнь изо всех сил – изворотливо, жадно и упрямо.

Точно так же и Шихору. Манато погиб, но эта трагедия сделала её сильнее. А став сильнее, она постарается жить дальше.

– Ты не сделала ничего плохого, Шихору. Ты вовсе не отвратительна. Я рад, что ты сейчас вместе со мной, что помогаешь мне найти Мэри. Я правда рад.

Шихору попыталась что-то сказать, но замолчала и отвернулась. Её плечи всё ещё слегка тряслись. Вероятно, она пыталась сдержать слёзы. Наконец, она шмыгнула носом,

– … Я тоже, Харухиро-кун… Я тоже рада, что ты со мной.

– Нет, что ты… эм. Ну, думаю, да, так было лучше…

Харухиро закрыл лицо руками. Его вдруг охватило чувство стыда. Чувство вины. Честно говоря, он чувствовал это постоянно – когда ел, пил, спал, ему постоянно хотелось извиниться перед Могзо. Он ничего не мог с собой поделать.

Постепенно эта ноющая, колющая боль в груди утихает, сходит на нет.

Он привыкает к боли.

Чтобы жить, необходимо привыкнуть. Так и будет.

– Что-то Мэри задерживается. И куда она могла уйти?

– …Всё-таки, я ничего о ней не знаю… ни капельки…

– Да уж, но и я не лучше. Я ведь парень. Мне сложнее завести с ней приятельские отношения.

– …Я думаю… принадлежать к одному полу недостаточно, чтобы сдружиться… наверное…

– Вот оно как?

– …Я …Всё дело в моём характере. Я не такая весёлая и яркая, как Юме…

– Угу. Здорово, наверное, обладать таким открытым характером. Вот как у Юме. Кажется, словно она может сдружиться с кем угодно. Ну, если этот «кто угодно» не Ранта, разумеется.

– … Ранта-кун, наверное, исключение.

– Придурок он. Серьёзно. Что он вообще имел в виду, «переел»? О чём он?

– …Может, о соррузе?

– Э?

– Ну, я так предполагаю… Может, он пытался есть сорруз за Могзо-куна…

– А-а…

Харухиро почесал в затылке. Вот оно что. Вот, значит, как. Я лишь рассуждал, ничего не зная и не видя. А Ранта, выходит, поминал Могзо. Харухиро издал слабый смешок. Грудь сдавило.

– Ты по-настоящему хороший человек, Шихору. Это здорово, так понимать чувства других.

Шихору помотала головой и присела на корточки.

– Мэри… – едва слышно заговорила она, – …Она, наверное, страдает больше всех нас… винит себя… Ведь она – Жрец…

Харухиро кивнул. Это он мог понять.

Ведь это уже второй раз.

Мэри уже однажды теряла товарища – товарищей. И, вероятно, именно под воздействием чувства вины после того случая она неузнаваемо преобразилась, превратившись в ту холодную красавицу, которая присоединилась к команде Харухиро.

Став их товарищем, она наконец начала изредка улыбаться. И тут, словно бы судьба просто выжидала момент, Мэри снова потеряла товарища. Мэри, Жрец команды, призванная исцелять раны спутников своей магией света. Она в буквальном смысле несёт на своих плечах ответственность за жизни товарищей. И теперь наверняка винит в случившемся себя.

Может, это и неуместно с его стороны, но сейчас Харухиро больше прочих беспокоится именно за Мэри.

– …Лишь бы только она не задумала что-нибудь глупое…

Но едва обронив эти слова, он понял, что беспокоился напрасно.

Послышались шаги, и обернувшись на звук, Харухиро с облегчением увидел приближающуюся к ним фигуру в белой одежде.

– Мэри.

– …Зачем.

С этими словами Мэри резко развернулась.

– Э-э?.. П-постой, Мэри, куда…?!

– Х-харухиро-кун, она убегает…

– А, ага…

К счастью, Мэри убегала не слишком быстро. Наверное, правильнее было бы сказать, что она была в таком состоянии, что ноги подвели её и бегство превратилось во что-то вроде падения.

Когда они нагнали её, Мэри, хоть и тут же отмахнулась от них, не попыталась убежать снова. Наверное, просто не могла. Она присела, скорчившись и делая вид что не видит Шихору и Харухиро.

– …Ну. Чего вам.

– Чего… ну… То есть, стой, Мэри, ты что, пьяна?

– Нельзя?

– Да нет, можно, но…

– …Отстань. Не лезь не в своё дело.

– Мы не бросим тебя, – проговорила Шихору, присев рядом с Мэри, – …Ни за что не бросим.

– …Почему.

– Мы… беспокоимся о тебе. Увидев тебя в таком состоянии… как мы можем пройти мимо.

– …Я не хотела, чтобы меня видели. Здесь. Почему вы здесь?

– Мы… мы пришли чтобы встретиться с тобой, Мэри.

– Я… я не хочу встречаться. Ни с кем.

– Но мы не оставим тебя.

– Я не хочу!

Её язык заплетается. Мэри явно очень пьяна. Разумеется, она не хочет, чтобы её видели. Это естественно. Харухиро и сам не хотел бы видеть её такой. Но увидел. И теперь уже не может просто отвернуться.

– Мэри.

– …Да чего тебе.

– В восемь утра, у северных ворот. Не получится, наверное? Учитывая твоё состояние.

Мэри промолчала. Харухиро ждал, глядя на неё, но она, не проронив ни слова, поднялась и зашагала, вероятно, направляясь в своё общежитие.

Шихору попыталась пойти следом, но Харухиро остановил её, и позвал, обращаясь к спине Мэри:

– Мы должны жить дальше, Мэри. Ты же сама это знаешь – нельзя останавливаться, нужно двигаться вперёд!

Мэри, не ответив, вошла внутрь.

http://tl.rulate.ru/book/94792/3193000